

9. Осетров, Е. И. Три жизни Карамзина / Е. И. Осетров. – М., 1985. – 287 с.
10. Эйдельман, Н. Я. Последний летописец. [О Н. М. Карамзине] / Н. Я. Эйдельман. – М., 1983. – 174 с.

Н. М. Дмитриенко

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ КАРАМЗИН И МУЗЕЙНОЕ ДЕЛО

Николай Михайлович Карамзин широко известен как писатель, публицист, историк. Недаром академик Д. С. Лихачев, выступая на вечере, посвящённом 225-летию со дня рождения Карамзина, сказал: «Роль Карамзина в русской культуре столь велика и многообразна, что можно даже говорить не об одном Карамзине, а о нескольких Карамзиных, значение которых в равной степени высоко» [2, с. 9]. И добавил, что «предстоит ещё много узнать о той роли, которую играл Карамзин в истории русской культуры».

И действительно, хотя вклад Карамзина в изучение русской истории освещали многие историки – от С. М. Соловьёва до С. О. Шмидта, однако многоплановость его исследований даёт новые поводы обратиться к его творчеству и найти новые, ранее не изучавшиеся темы. Так, в некоторых публикациях коротко сказано о том, что во время европейского путешествия Карамзин посещал музеи, дворцы, соборы, библиотеки и через эти «материальные памятники культуры» раскрывал историю городов [4, с. 15; 3, с. 130]. И ни в одной историографической или историко-музейной работе это положение не раскрыто, не изучено. А между тем, можно с уверенностью говорить, что именно Карамзин первым из русских исследователей обратился к освещению и популяризации музеев и музейной деятельности. Немалый интерес в этом отношении представляют его «Письма русского путешественника». Они фрагментарно публиковались в «Московском журнале» в 1891–1892 гг., сразу после возвращения Карамзина из европейского путешествия; в 1801 г. вышли отдельным изданием, в 1803 г. появилось второе издание «Писем». При этом в предисловии к этому изданию автор подчёркивал: «Я хотел при новом издании многое переменить в сих письмах и <...> не переменял почти ничего. Как они были писаны, как удостоились лестного благоволения публики, пусть так и остаются» [6, с. 1].

Некоторые исследователи Карамзина, например, Г. П. Макогоненко, утверждают, что «Письма» написаны в популярном в XVIII–XIX вв. жанре путешествий, или путевых заметок, и, следовательно, представляют раз-

новидность мемуарных изданий [4, с. 14]. А Ю. М. Лотман считал, что «Письма» – вовсе даже и не письма, и не автобиография, это «художественное произведение, умело “притворяющееся” жизненным документом» [3, с. 228]. Зачем? А затем, писал Лотман, чтобы «слить культуру с общежитием, образование со светской беседой, дать обществу мораль без морализации», сформировать нового читателя, способного через «подложные письма бесхитростного путешественника» воспринимать просветительные идеи автора [3, с. 230–231]. В русле новой для России просветительной концепции складывался и новый жанр литературы, синтезирующий художественный вымысел и документальность повествования. Лотман замечает, что Карамзин «не фотографирует действительность, а творчески её переосмысляет, группирует фигуры, подмалёвывает декорации и – вдруг – как бы невзначай отводит уголок этой декорации, позволяя внимательному оку взглянуть на неё и увидеть не стилизованные, а подлинные события» [3, с. 59].

Так или иначе, произведение Карамзина опирается на документальную основу, отражает представления автора, характеризует культурную жизнь и повседневность европейских городов конца XVIII в. Следуя законам документально-художественного жанра, автор прослеживает путешествие своего героя буквально по дням, детально фиксирует все события и происшествия – большие и малые. При этом обязательно отмечает, что едва ли не в каждом крупном городе есть библиотека, а если имеется университет – то и анатомический театр, медицинский сад, зверинец. Герой Карамзина встречается с великими умами XVIII в. – европейскими писателями и философами, посещает театры, подробно описывает их репертуар, оценивает актёрскую игру. Исследователи творчества Карамзина справедливо видят в этом внимании к культуре, образованию основной замысел книги, характеризуют «Письма» как самый удачный опыт популяризации разнообразных знаний о Европе. Конечно, Карамзин далеко не первым из русских побывал в Европе. Высказывалось справедливое мнение, что он в чём-то повторял европейские маршруты Петра I и его соратников, например, И. Д. Шумахера, который в 1721–1722 гг. проехал по Европе, осмотрел многие библиотеки и музейные собрания, чтобы выяснить возможности пополнения петербургской Кунсткамеры [9, с. 32]. Но, в отличие от «Писем» Карамзина, материалы путешественников XVIII в. не публиковались и, следовательно, были доступны очень немногим.

Выполняя свою просветительскую задачу, Карамзин подробно описывает, как его герою-путешественнику показывают достопримечательности того или иного местечка, и через это описание привлекает внимание чи-

тателей к различным событиям и фактам истории, в том числе и истории России. Например, в Тильзите его подводят к башне, простреленной русскими ядрами, а в пригороде Данцига, на горе Гагелсберге, «показывают могилу русских, убитых в 1734 году, когда граф Миних штурмовал город» [6, с. 79].

Наконец в «письме» из Лиона, где он побывал в марте 1790 г., автор признаётся: «Я люблю остатки древностей; люблю знаки минувших столетий. Вышедши из города, удивлялся я ныне памятникам гордых римлян, развалинам славных их водоводов. <...> Римляне хотели жить в памяти потомства и сооружали такие здания, которых не могли разрушать целые века. В нынешние философские времена не так думают; мы исчисляем дни свои, и предел их есть предел всех наших желаний и намерений; далее не простираем взора, и никто не хочет садить дуба без надежды отдохнуть в тени его» [7, с. 106]. Сетую на невнимание к истории, шире – на неуважение к исторической памяти, Карамзин то и дело приводит читателей к памятникам и памятным местам. А проезжая Фрауенберг, где жил и умер Коперник, досадует: «Как же досадно было мне, что я не мог видеть тех комнат, в которых жил сей славный математик и астроном и где он, по своим наблюдениям и вычислениям, определил движение земли вокруг ее оси и солнца...» [6, с. 71].

Путешествуя по германским и швейцарским городам, герой Карамзина обязательно бывает в библиотеках, в которых просматривает старинные фолианты, «документы исторического характера». В городской публичной библиотеке в Базеле ему показывают рукописи и древние медали, в Ивердонской публичной библиотеке – серебряные и медные монеты и даже скелеты, найденные в окрестностях города. А в Берлинском гарнизоне обнаруживаются собрание монументов и портреты полководцев [6, с. 125; 7, с. 26].

Вместе с героем «Писем» читатели посещают городскую ратушу в Бергене, многие дома и дворцы в разных городах, получают возможность рассматривать художественные собрания и модные в то время коллекции минералов и монет, которые именовались кабинетами. Карамзин описывает каждое из осмотренных собраний, даёт иногда и более детальную характеристику памятников, которые в современной музееведческой литературе именуются музейными предметами, составляющими музейные фонды. В «Письмах» рассказывается о минеральном кабинете и библиотеке покойной сестры прусского короля в Берлине, о «зелёной кладовой» – собрании драгоценных камней саксонского курфюрста, о кабинете древних и новых медалей в Королевской библиотеке в Париже, о кабинете путешественника

Вальяна, в котором хранились чучела африканских животных, а также «готтентотские орудия». В Лондоне было осмотрено «редкое собрание антиков», принадлежавшее коллекционеру Толе, – египетские статуи, древние барельефы. Внимание Карамзина привлекает «царская кладовая» в Париже, в которой «множество редких вещей, серебра и золота, драгоценных камней, ваз и всякого рода оружия». Автор отметил такие редкости «кладовой», как серебряный щит, найденный в Роне близ Лиона и принадлежавший, скорее всего, Сципиону Африканскому, стальные латы короля Франциска I, церковную утварь кардинала Ришелье, копьё папы Павла V [6, с. 125, 142, 188–189; 8, с. 95–96, 119–120, 255–256]. В рассказе о собрании оружия в арсенале лондонского Тауэра, по сути, показана музейная экспозиция, раскрыты некоторые приёмы, которые использовались для демонстрации музейных предметов и коллекций: «Стены, колонны, пилястры – всё составлено из оружия, которое ослепляет глаза своим блеском». Далее герой «Писем» наблюдает, как «внизу, юд малым арсеналом, в длинной галерее, стоит королевская артиллерия между столбами, на которых висят замена, в разное время отнятые англичанами у неприятеля». Тут же и портреты английских королей и полководцев – «каждый сидит на лошади, в своих латах и с мечом своим» [8, с. 270].

Конечно же, особое внимание Карамзина привлекают художественные собрания и прежде всего – Дрезденская галерея. Он пишет: «... Пошёл я в славную картинную галерею, которая почитается одной из первых в Европе. Я был там три часа, но на многие картины не успел и глаз оборотить; не три часа, а несколько месяцев надобно на то, чтобы хорошенько осмотреть сию галерею» [6, с. 174–175]. Точно так же с восхищением и со знанием дела описывает художественные собрания Лувра, Рубенсовой галереи во дворце Люксембурга в Париже, собрание живописи и рисунков в Шекспировой галерее в Лондоне. Отмечает, между прочим, что в лондонской галерее увидел он «рисунки Орфордова собрания, купленные нашей императрицей», то есть, показывает свою осведомлённость об увлечении Екатерины II коллекционированием, об её участии в формировании и пополнении фондов Эрмитажа [8, с. 256, 258].

В завершение своей поездки, в июле 1790 г., незадолго до возвращения в Россию, Карамзин посетил Британский музей: «Нынешнее утро видел я в славном Британском музее множество древностей египетских, этрусских, римских, жертвенных орудий, американских идолов и проч. <...> Я с любопытством рассматривал еще лакриматории, или маленькие глиняные и стеклянные сосуды, в которые римляне плакали на погребениях; но всего любопытнее был для меня оригинал Магны Харты, или славный договор

англичан с их королем Иоанном, заключенный в XIII в. и служащий основанием их конституции» [8, с. 321–322].

В описании знаменитого лондонского хранилища Карамзин в первый и единственный раз использовал термин «музеум». Любопытно, что автор первого в России произведения, написанного новым и поныне не устаревшим русским языком, Карамзин употребил слово музеум, к тому времени – явный анахронизм. Почему? Может быть, для того, чтобы подчеркнуть роль музея как хранилища древностей. А возможно, автор старался использовать привычные для русских читателей понятия и термины, ведь пишет же он о царской кладовой в Париже, которая, конечно же, называлась королевской: в примечании даётся её наименование по-французски *Garde-meu-bleduRoi* [8, с. 119]. Или же писатель довольствовался калькой английского слова *museum* и не перевёл его на обновлённый русский. В любом случае, можно допустить, что под влиянием Карамзина устаревший термин закрепился, и понадобилось не менее двух десятков лет, чтобы в русской журнальной периодике появилось обновлённое слово – «музей» (имеется в виду статья Ф. Аделунга «Предложение об учреждении Русского национального музея», опубликованная в 1817 г. в журнале «Сын Отечества» и переопубликованная в 2010 г.) [1, с. 171–182].

Высоко оценивая просветительный замысел «Писем русского путешественника», Лотман писал: «Карамзин вводил русского читателя в Европу не как любопытного варвара, а как европейца, полноправного владельца её культурных сокровищ» [3, с. 235]. И действительно, в продолжение всего повествования ненавязчиво, иногда даже как бы мимоходом, Карамзин знакомит читателей с культурным достоянием Европы, в том числе с музейным миром во всём его богатстве и многообразии. Показывает существующие в то время формы и способы музеефикации культурных ценностей – и частные коллекции, и кабинеты, и университетские собрания, и художественные галереи, и, собственно, музеи. Первым в России он поставил музейные ценности в один ряд с другими достижениями европейской культуры – литературой, философской мыслью, театром. Думается, что именно в путешествии по Европе, в процессе работы над «Письмами» Карамзин сложился как исследователь, владеющий разнообразными историческими источниками и адекватными способами их обработки и презентации. И читая «Письма», слышишь не утративший своей силы и в наши дни призыв Карамзина к просвещению, в том числе и через посещение музеев и лицезрение музейных коллекций.

Список литературы

1. Аделунг, Ф. П. Предложение об учреждении Русского национального музея // Музееведческая мысль в России XVIII–XX веков: сб. документов и материалов / отв. ред. Э. А. Шулепова. – М., 2010. – С. 171–182.
2. Лихачев, Д. С. Вступительное слово / Д. С. Лихачев // Венок Карамзину. – М., 1993. – С. 9–10.
3. Лотман, Ю. М. Сотворение Карамзина / Ю. М. Лотман. – М., 1987. – 384 с.
4. Макогоненко, Г. П. Николай Карамзин и его «Письма русского путешественника» / Г. П. Макогоненко // Н. М. Карамзин. Письма русского путешественника. Повести. – М., 1982. – С. 3–24.
5. Русская историография XI – начало XXI века: учебное пособие / под ред. А. А. Чернобаева. – М., 2010. – 446 с.
6. Сочинения Карамзина. Т. 2: Письма русского путешественника. Ч. 1. – М., 1803. – 304 с.
7. Сочинения Карамзина. Т. 4: Письма русского путешественника. Ч. 3. – М., 1803. – 352 с.
8. Сочинения Карамзина. Т. 5: Письма русского путешественника. Ч. 4. – М., 1803. – 416 с.
9. Шумахер, И. Д. Отчет, поднесенный Петру Великому от библиотекаря Шумахера о заграничном его путешествии в 1721–1722 годах // Музееведческая мысль в России XVIII–XX веков: сб. документов и материалов / отв. ред. Э. А. Шулепова. – М., 2010. – С. 30–43.

М. В. Калашников

**СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ «ЛИБЕРАЛИЗМ»,
«ЛИБЕРАЛЬНОСТЬ» И «СВОБОДА»
В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ Н. М. КАРАМЗИНА**

Основным понятием европейского общественного сознания конца XVIII – начала XIX в. было понятие «свобода». Но самой свободы, точнее того, что означало это понятие до Французской революции – «безопасности и возможности делать всё, что разрешено законом», с точки зрения современников, в континентальной Европе не существовало, как не существовало и самого закона.

В 1801 г. Ф. Шиллер вопрошал: «Где приют для мира уготован? / Где найдёт свободу человек? / Старый век грозой ознаменован, / И в крови родился новый век». И сам себе отвечал – свобода существует лишь «в области мечты» [13, с. 321–322]. В том же 1801 г. Карамзин с печалью констатировал: «Моё сердце не менее других воспламеняется добродетелию великих республиканцев; но сколь кратковременны блестящие эпохи её?